

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Смешение романа с научными жанрами

С. Ш. ШАРИФОВА

(НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА)

В статье анализируется проблема смешения научных жанров и романа, которое может быть в двух формах: влияние науки на фабулу и сюжет романа; создание романа с композиционной архитектурой научных жанров.

Ключевые слова: жанр, роман, научные жанры, смешение жанров, роман-путешествие, педагогический роман, фантастический роман, роман-исследование, научный роман.

Роман — синтетичный жанр литературы, предрасположенный к жанровому смешению с иными жанрами. Под жанровым смешением, или иными словами, жанровой контаминацией (от лат. *contaminatio* — соприкосновение, смешение) понимается объединение в одном художественном произведении элементов двух или более жанров, при котором «жанровые признаки» одного из них остаются доминирующими. В зависимости от типа жанрового смешения можно говорить о внутрижанровом, внутриродовом и межродовом смешении. Одной из форм межродового жанрового смешения является смешение с научными жанрами.

Смешение научных жанров может происходить в формах: а) влияния развития научной мысли на фабулу и сюжет художественного произведения; б) создание романа с использованием композиционной архитектуры научных жанров. Каждая из форм взаимодействия приводит к появлению особых подтипов романа. Влияние науки на фабулу и сюжет чувствуется в таких романах, как роман-путешествие (роман-странствие), педагогический роман, фантастический роман.

Композиционная архитектура научных жанров в той или иной степени воспроизводит-

ся романом-исследованием и «научным романом».

Мотив пути является одним из наиболее древних в литературе. В Античности выделялись описания морских и сухопутных путешествий. В современной литературе нет единой позиции о характеристиках путешествия как феномена литературы. На синтетичность путешествия обращал внимание Н. Г. Чернышевский, отмечавший, что путешествие соединяет «в себе элементы истории, статистики, государственных наук, естествознания» (Чернышевский, 1948: 978). Научность связана с тем, что «в путешествии описываются наблюдения, впечатления путешественника, его открытия и приключения» (Тимофеев, Венгров, 1963: 124).

Многие отечественные исследователи социалистического периода характеризовали путешествие как жанр. В. М. Гуминский предлагает определение: «Путешествие — жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров» (Гуминский, 1987: 314–315).

В современных российских исследованиях начинает утверждаться мнение о том, что путешествие не является жанром, а представляет собой явление, которое может воплощаться в жанрах различных литературных родов. Т. Т. Давыдова и В. А. Пронин относят путешествие к межродовым формам литературы (Давыдова, Пронин, 2003).

Смешение романного начала с научными жанрами в романе-путешествии проявляется в форме присутствия небеллетристических элементов. Е. А. Стеценко к таким небеллетристическим элементам относит следующие: путешествие как основа сюжета; автобиографичность; описание природы; центральный образ автора-рассказчика; дневники и письма; устные истории (Стеценко, 1999: 160). Композиционная структура произведения может не отвечать строгим романским требованиям. Деление на главы и романы обычно соотносится с этапами путешествия. «Обычно в книгах путешествия смена глав — это прежде всего смена мест описания», — пишет В. Б. Шкловский (Шкловский, 1983: 145). Маршрут путешествия становится структурообразующим фактором (Шачкова, 2008: 280). Часто образ героя романа-путешествия не ставится автором в центр внимания: движение героя в пространстве используется автором как прием для отображения многообразия мира (Бахтин, 1979: 188). Динамике путешествия «подчинены» также фабула и сюжет. Роману-путешествию характерны документальность и публицистичность: в произведении подчеркивается особая роль факта, а изложение авторской позиции по этим фактам носит публицистический характер.

Педагогические произведения были известны еще античной литературе. Ксенофонт в «Воспитании Кира» (IV в. до н. э.) излагал свои взгляды на образование-воспитание. Современный педагогический роман связывается с произведением Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762), в котором исследуются проблемы воспитания гражданина (Жирьянова, 2007: 104).

Особое внимание педагогическому роману уделило немецкое Просвещение, которое для обозначения подтипа романа использует термин *Bildungsroman*. Это тип романа, содержа-

ние которого составляет психологическое, нравственное и социальное формирование личности главного героя. По мнению А. В. Луначарского, *Bildungsroman* — это «роман, посвященный изображению процесса формирования молодого существа в законченную человеческую личность» (Луначарский, 1964: 176).

Bildungsroman встречается не только в немецкой литературе, этот подтип романа переняла английская литература. Например, произведение Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» (1849–1850).

Влияние педагогики и психологии как отраслей науки проявляется в особенностях отображения главного героя. Сюжетная линия выстраивается вокруг трансформации героя: «Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа» (Бахтин, 1979: 200–201).

Не случайно, что М. М. Бахтин использует термин «роман становления человека». В педагогических романах Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796) и Г. Келлера «Зеленый Генрих» (1855) герои проделывают путь от юношеского максимализма к трезвому самоограничению, не предполагающему отчаяния или отказа от идеалов (Lukacs, 1920: 95–155). В. Дильтей в своей работе «Жизнь Шлейермахера» отмечал, что в произведениях Гёте и иных романах «школы Вильгельма Мейстера» показывается человеческое формирование на разных ступенях, в разных жизненных эпохах (Dilthey, 1922: 24–25). Совершенствование главного героя есть основная авторская идея. Воплощение этой идеи требует от автора обращения к научным достижениям. В педагогическом романе автор сталкивает две школы, раскрывая при этом связи тандема «ученик — учитель» (Гайжюнас, 1984: 13). И. Г. Песталоцци в своем произведении «Лингардт и Гертруда» (1781–1787) раскрывает собственный метод обучения в народной школе, основанный на сочетании преподавания с производительным трудом. Песталоцци художественно раскрыл опыт, который был связан с приютом для детей-сирот в Нойхофе.

Для фантастической литературы, в том числе и фантастического романа, характерна

предрасположенность к смешению с мифологией, так как фантастика лежит в мифотворческом сознании. Как и мифология, фантастика отказывается от выяснения причинных связей и вероятностей описываемых событий, смешивает действительность и сверхъестественное. Для фантастики характерно фантастическое допущение, которое не волюнтарно, а связано с состоянием и перспективами развития науки. Этим фантастическое допущение и отличается от мифологического, сказочного и мистического допущений.

Основная функция фантастики в художественных произведениях — показать, что будет представлять собой то или иное явление, та или иная тенденция в своем перспективном развитии. Эта функция тесным образом связана с состоянием развития науки. Смешение научного и художественного начал позволяет провести грань между серьезной фантастической литературой и произведениями *fantasy*. Фантастическая литература под влиянием научных жанров приобретает такую черту, как новизна мира. На новизну отображения мира в фантастике обращал внимание К. Д. Мэлгрэн: «...*povum* — элемент отстранения, заставляющий читателя бросить непредвзятый свежий взгляд на предложенный в повествовании мир» (Malmgren, 1988: 29).

Как разновидности фантастического романа можно выделить: научно-фантастический роман, роман-утопию и роман-антиутопию.

Традиционными для современной научной фантастики стали темы судьбы изобретения и ответственности ученого перед человечеством и своей совестью за изобретение. Не во всех произведениях, в которых ставится проблема об ответственности за необычное изобретение, можно найти все признаки научно-фантастического романа. Несмотря на то что сюжетная линия романа Г. Эверса «Альрауне. История одного живого существа» (1928) построена на рождении необычного существа в результате научного эксперимента, произведение ближе по своим жанровым характеристикам к роману-мифу. Роман связан с мифом о альрауне, который в мифологии означает дух низшего порядка. В романе Г. Эверса легенда об альрауне связывается с казнью на

кресте. Автор вводит интертекстовую ссылку на религиозные тексты, выстраивая собственную художественную интерпретацию мифических представлений.

Жанр романа-утопии, из которого рождается антиутопия, берет начало от платоновского мифа об Атлантиде. Романы-утопии опираются на научные истины своего времени или на перспективы развития науки.

Для всех этих трех рассматриваемых вариаций фантастической романистики характерно сочетание мифологизма и научности: на композицию, сюжет и фабулу оказывают влияние оба фактора. Но в научно-фантастическом романе доминирует влияние представлений о состоянии и перспективах развития «точных» отраслей науки, естествознания и техники, тогда как для утопии и антиутопии большое значение имеет развитие социально-политических и философских наук. Условно можно выделить два типа фантастического допущения: естественно-научное допущение и гуманитарно-научное допущение. В научно-фантастическом романе, романе-утопии и романе-антиутопии присутствуют оба типа допущения, но в научно-фантастическом романе превалирует естественно-научное допущение, а в романе-утопии и романе-антиутопии — гуманитарно-научное допущение. Кроме характера фантастического допущения, роман-утопия и роман-антиутопия отличаются от иной научной фантастики также и обращением к элементам сатирических жанров.

Возможно присутствие вышеназванных типов фантастического допущения в одном произведении. Например, «Эрево́н» (Egwhon — анаграмма от *Nowhere*, в переводе с англ. — нигде) (1871) С. Батлера, «О дивный новый мир» (1932) О. Хаксли, являясь научно-фантастическими романами, в то же время и антиутопии. В романе «Эрево́н» С. Батлер в сатирическом стиле описывает эволюцию машин, классифицируя их по семействам, родам и видам, по способам питания и т. д. Не случайно первые три главы романа «Эрево́н» (вначале появившиеся под названием «Дарвин среди машин») были пародией на книгу Дарвина «Происхождение ви-

дов методом естественного отбора, или Выживание благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». В романе О. Хаксли «О дивный новый мир» также высмеивается дарвиновская теория и культ машины. «Остров» содержит в себе сатиру на нравы и идеи английского общества второй половины XIX в.

Отличительной чертой фантастического допущения в утопиях и антиутопиях является его философско-мировоззренческая содержательность. Например, Монтескье в романе «Персидские письма» (1721) не только критикует общественную жизнь современной ему Франции, но и отображает философские размышления об идеальной республике (Кирынова, 2007: 97).

Если философские размышления в утопии обусловлены тем, что в ней проектируется идеальное будущее, то в антиутопии они связаны с факторами социально-политического характера, которые могут привести человечество к катастрофе. По словам А. Бегалиева, путь развития литературной утопии — «это движение от философской идеи к художественному образу, от декларируемой концепции совершенного мира к его художественной модели» (Бегалиев, 1989: 8). Философское начало проявляется в антиутопии в связи с тем, что в ней автор дает проекцию на воображаемый социум тех характеристик современного ему общества, которые вызывают наибольшую неприязнь (Browning, 1970: 18–32). Перенос реальных характеристик на антиутопическое общество дает У. Эко основание преподнести роман «Маятник Фуко» (1988) не как часть фантастики, а как реалистический роман. Авторский замысел «Маятника Фуко» сосредоточен вокруг проблемы трансформации религиозных мифов и эзотерических учений в современном обществе.

Особенностью философского дискурса в антиутопии является не только гиперболическое отображение в нем существующих противоречий, но и наличие философских размышлений о пагубных последствиях мер по установлению «идеального» порядка. Максимализм и необузданность, игнорирование духовных ценностей — на этом построен роман Ж. Саррамаго «Слепота» (1995). Вводя в сюжет про-

изведения распространение болезни, приводящей к слепоте, автор раскрывает «моральную слепоту» общества.

В. С. Воронин справедливо отмечает, что «веру в человеческий разум, присущую утопии, в антиутопии сменяет утверждение бессилия человеческого интеллекта» (Воронин, 1999: 60).

В утопии и антиутопии проявляются черты научно-фантастической литературы, но эти понятия не являются тождественными по своему содержанию: не всякое научно-фантастическое произведение является утопией или антиутопией. А. О. Мошенская отмечает, что научно-фантастические произведения несправедливо отождествляются с такими жанровыми формами, как утопия и антиутопия (Мошенская, 1983: 11).

Иногда утопию и антиутопию представляют как отдельный жанр. А. Н. Воробьева отмечает: «...утопия и антиутопия рассматриваются как единый жанр, совмещающий противоположные знаки одних и тех же эстетических установок» (Воробьева, 2009: 8). Она перечисляет жанровые признаки: «(1) Изображение коллектива, организации, общества как модели лучшего (утопия) или худшего (антиутопия) государственного строя; (2) Отказ от настоящего, который выражается в радикальных формах: разрыв с привычной средой, эскапистский уход в другое, закрытое пространство, переход в другое время; (3) Коллективный характер утопической цели» (там же). Среди перечисленных признаков нет ни одного, который бы характеризовал композицию, сюжет и фабулу.

Утопия и антиутопия являются формой проявления фантастической литературы. Фантастика же представляет собой творческий метод, предполагающий использование особого литературного приема для усиления тех или иных качеств текста. В литературоведении нет единой позиции по поводу жанровой природы фантастики: является она жанром или же особой жанровой формой. Перу выдающихся братьев-фантастов Стругацких принадлежат фантастические романы («Град обреченный», 1975, опубл. в 1988–1989), фантастические повести («Стажеры», 1962)

и фантастические рассказы («Забытый эксперимент», 1959).

Сказанное относится и к утопии и антиутопии. Есть множество романов-утопий: «Люди как Боги» (1923) Г. Уэллса, «Вести ниоткуда» (1890) У. Морриса, «Туманность Андромеды» (1957) И. Ефремова, «Конец радуг» (2006) В. Винджа, как и романов-антиутопий: «1984» (1949) Дж. Оруэлла, «Мы» (1920) Е. И. Замятина, «О дивный новый мир» (1932) О. Хаксли, «451 градус по Фаренгейту» (1953) Р. Брэдбери. Гораздо реже встречаются повести, а тем более рассказы. К повести-утопии относят произведение М. А. Булгакова «Дьяволиада» (1923). К повести-антиутопии относят «Скотный двор» (1945) Дж. Оруэлла, «Котлован» (1930) А. Платонова. Рассказом-утопией является произведение И. Гаспринского «Страна блаженства» (1891).

Фантастику (утопию и антиутопию) целесообразно рассматривать как литературное направление, в рамках которого могут создаваться произведения в различных жанрах. Хотелось бы обратиться к позиции М. И. Шадурского: «Жанровый конгломерат, сочетающий в себе черты романного жанра и утопического мировидения, номинируется романом-утопией или утопическим романом» (Шадурский, 2008: 38).

В отличие от рассмотренных выше подтипов романа, в научном романе и романе-исследовании смешение проявляется в имитировании композиционной архитектуры научных жанров.

Научный роман использует оригинальную технику художественного изложения, в котором повествование предполагает развитие событий уже вне связи с фактами науки в реальности. Термин «научный роман» (точнее — «экспериментальный роман») был введен Э. Золя, который пытался установить особые методы художественного творчества, не уступавшие методам естественных наук.

Примером переплетения научного и художественного в единое целое является произведение А. Зиновьева «Зияющие высоты». В литературоведении «Зияющие высоты» (1976) с легкой подачи автора определяют как социологический роман. Термин «социологи-

ческий роман» должен был отразить трансформацию в таком произведении социальных идей в слова и поступки литературных персонажей. В «Зияющих высотах» излагаются результаты научного исследования социальных явлений, но делается это с использованием средств художественной литературы.

В романе-исследовании влияние научного метода сказывается в иной форме. В романе-исследовании персонажи не являются художественным инструментом для отображения научных истин. Наоборот, научные результаты представляют собой питательный материал для фабулы и сюжета. Композиция такого произведения подвержена влиянию как применяемого автором метода исследования, так и полученных результатов. Например, роман Ю. Дружникова «По следам неизвестного Пушкина» (1992) композиционно состоит из нескольких частей, каждая из которых связана с отдельными результатами авторского исследования.

Жанровое смешение является одним из наиболее существенных инструментов, используемых современными авторами для художественного воплощения авторского замысла. Усложнение системы общественных отношений предопределяет склонность современных писателей к экспериментам в области смешения романа с различными родами и жанрами литературы. Научно-техническая революция XX в. и разветвляющаяся сейчас информационная революция привели к росту влияния научного начала на общественное сознание, в том числе и художественное сознание. В романистике следствием этого влияния являются жанровые конструкции, в которых в романную жанровую конструкцию вкрапливаются элементы научных жанров. По мере дальнейшего развития науки и прогресса можно будет наблюдать развитие типов романа, вобравших в себе элементы научных жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1979) Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство.
 Бегалиев, А. Т. (1989) Современная советская литературная утопия: герой и жанр : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата.

Воробьева, А. Н. (2009) Русская антиутопия XX — начала XXI в. контексте мировой антиутопии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов.

Воронин, В. С. (1999) Законы фантазии и абсурда в художественном тексте. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та.

Гайжюнас, С. В. (1984) Роман воспитания (динамика жанровой структуры). Вильнюс : Ред.-изд. совет М-ва высш. и сред. спец. образования Литов. ССР.

Гуминский, В. М. (1987) Путешествие // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Советская энциклопедия. С. 314–315.

Давыдова, Т. Т., Пронин В. А. (2003) Теория литературы. М. : Логос.

Кириянова, Н. В. (2007) История мировой литературы и искусства : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука.

Луначарский, А. В. (1964) Собр. соч. : в 8 т. М. : Художественная литература. Т. 2.

Мошенская, Л. О. (1983) Жанры приключенческой литературы. Генезис и поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.

Стетенко, Е. А. (1999) История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М. : ИМЛИ РАН.

Тимофеев, Л. И., Венгров, Н. (1963) Краткий словарь литературоведческих терминов. М. : Учпедгиз.

Чернышевский, Н. Г. (1948) Полн. собр. соч. : в 16 т. М. : ГИХЛ. Т. 4.

Шадурский, М. И. (2008) Художественная модель мира в романах-утопиях С. Батлера и О. Хаскли : дис. ... канд. филол. наук. Минск.

Шачкова, В. А. (2008) «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 3. С. 277–281.

Шкловский, В. Б. (1983) Избранное : в 2 т. М. : Художественная литература. Т. 1.

Browning, W.-G. (1970) Toward a Set of Standards for Antiutopian Fiction // Cithara. № 10. P. 18–32.

Dilthey, W. (1922) Das Leben Schleiermachers [The Life of Schleiermacher] / Ed. and supplemented by H. Mulert. 2nd ed. Vol. 1. Berlin : W. de Gruyter.

Lukacs, G. (1920) Die Theorie des Romans. Berlin.

Malmgren, C. D. (1988) Worlds Apart : A Theory of Science Fiction // Utopian Thought in American Literature — Untersuchungen zur literarischen Utopie und Dystopie in den USA / ed. by A. Heller, W. Hölbling, W. Zacharasiewicz. Tübingen : Gunter Narr Verlag. P. 25–42.

THE MIXING OF NOVEL
AND SCIENTIFIC GENRES

S. Sh. Sharifova

(The Azerbaijan National Academy of Sciences)

The paper analyzes the problem of the mixing of scientific genres and novel. There are two types of the mixing: 1) the impact of science on the plot and the storyline of a novel; 2) the creation of a novel with a compositional architectonics of scientific genres.

Keywords: genre, novel, scientific genres, the mixing of genres, travel novel, pedagogical novel, science fiction novel, research novel, scientific novel.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Bakhtin, M. M. (1979) Estetika slovesnogo tvorchestva / sost. S. G. Bocharov. M. : Iskusstvo.

Begaliev, A. T. (1989) Sovremennaiia sovetskaia literaturnaia utopiia: geroi i zhanr : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Alma-Ata.

Vorob'eva, A. N. (2009) Russkaia antiutopiia XX — nachala XXI v. kontekste mirovoi antiutopii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov.

Voronin, B. C. (1999) Zakony fantazii i absurda v khudozhestvennom tekste. Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta.

Gaizhiunas, S. V. (1984) Roman vospitaniia (dinamika zhanrovaii struktury). Vil'nius : Red.-izd. sovet M-va vyssh. i sred. spets. obrazovaniia Litov. SSR.

Guminskii, V. M. (1987) Puteshestvie // Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' / pod red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. M. : Sovetskaia entsiklopediia. S. 314–315.

Davydova, T. T., Pronin V. A. (2003) Teoriia literatury. M. : Logos.

Kir'ianova, N. V. (2007) Istoriia mirovoi literatury i iskusstva : ucheb. posobie. M. : Flinta ; Nauka.

Lunacharskii, A. V. (1964) Sobr. soch. : v 8 t. M. : Khudozhestvennaia literatura. T. 2.

Moshenskaia, L. O. (1983) Zhanry prikluchencheskoi literatury. Genезis i poetika : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.

Stetsenko, E. A. (1999) Istoriia, napisannaia v puti... (Zapiski i knigi puteshestvii v amerikanskoj literature XVII–XIX vv.). M. : IMLI RAN.

Timofeev, L. I., Vengrov, N. (1963) Kratkii slovar' literaturovedcheskikh terminov. M. : Uchpedgiz.

Chernyshevskii, N. G. (1948) Poln. sobr. soch. : v 16 t. M. : GIKhL. T. 4.

Shadurskii, M. I. (2008) Khudozhestvennaia model' mira v romanakh-utopiakh S. Batlera i O. Khaskli : dis. ... kand. filol. nauk. Minsk.

Shachkova, V. A. (2008) «Puteshestvie» как zhanr khudozhestvennoi literatury: voprosy teorii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. № 3. S. 277–281.

Shklovskii, V. B. (1983) *Izbrannoe* : v 2 t. M. : Khudozhestvennaia literatura. T. 1.

Browning, W.-G. (1970) *Toward a Set of Standards for Antiutopian Fiction* // *Cithara*. № 10. P. 18–32.

Dilthey, W. (1922) *Das Leben Schleiermachers* [The Life of Schleiermacher] / Ed. and supplemented by H. Mulert. 2nd ed. Vol. 1. Berlin : W. de Gruyter.

Lukacs, G. (1920) *Die Theorie des Romans*. Berlin.

Malmgren, C. D. (1988) *Worlds Apart : A Theory of Science Fiction* // *Utopian Thought in American Literature — Untersuchungen zur literarischen Utopie und Dystopie in den USA* / ed. by A. Heller, W. Hölbling, W. Zacharasiewicz. Tübingen : Gunter Narr Verlag. P. 25–42.